

ИЗ ТВОРЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ

DOI 10.22455/2541-8297-2017-5-8-33

УДК 821.161.1

Неизданные стихи из архива Анатолия Фиолетова

Н.А. Богомолов

Аннотация: Публикация посвящена творчеству одесского поэта Анатолия Васильевича Фиолетова, погибшего в юном возрасте и ставшего одной из легенд «южно-русской школы» отечественной литературы. В статье прослеживается история публикации наследия А.В. Фиолетова, судьба его архива. В приложении впервые публикуются стихи из архива А.В. Фиолетова, сохранившиеся в частном собрании.

Ключевые слова: А.В. Фиолетов, «южно-русская школа», Одесса, поэзия 1910-х, архивы.

Информация об авторе: Николай Алексеевич Богомолов, д.ф.н, профессор МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия. E-mail: nab50@mail.ru

Имя Анатолия Васильевича Фиолетова (Натана Беняминовича Шора, 1897–1918) вошло в легенды «южно-русской школы». Выходец из богатой семьи, он первым из всей этой группы сумел издать сборник, включавший 25 стихотворений. В год выхода книги ему исполнилось 17 лет. После этого он стал участником всех знаменитых одесских авангардистских поэтических альманахов, кроме первого («Шелковые фонари»)¹, немного публиковался в других изданиях. В 1917–1918 годах он был сотрудником одесского уголовного розыска и его застрелили бандиты. Несколько стихотворений было опубликовано посмертно, прошли вечера его памяти, но после того, как большинство авторов южно-русской школы разъехались по разным городам, печатно Фиолетова вспоминали все реже, хотя помнили многие. Прежде всего, конечно, родные: брат, который почти официально считается прототипом Остапа Бендера², и

¹ Подробнее о них см.: *Луцик С.З.* Чудо в пустыне: Одесские альманахи 1914–1917 годов // Дом князя Гагарина: Сборник научных статей и публикаций. Одесса, 2004. Вып. 3. Ч. 1. С. 166–236.

² См.: *Лебедев Вадим.* Секретное досье Остапа // Совершенно секретно. 1998. № 9. С. 26–27. Вырезанная из газеты статья сохранилась в архиве, о котором далее пойдет речь. Осип (Остап) Шор (1899–1978) также был сотрудни-

единоутробная сестра Эльза Давидовна Рапопорт (1913–1998)³. Но хорошо помнили его и другие. Тон задавал В. Катаев, в романе которого «Алмазный мой венец» Фиолетов описан⁴. Вершиной второй волны воспоминаний стал выход в Одессе тиражом в 100 экземпляров сборника стихов Фиолетова⁵.

2017 год можно считать мощным началом третьей волны. Издательство «Salamandra P.V.V.», размещающее книги исключительно в интернете, пополнило свою серию «Библиотека авангарда» сборником стихов Анатолия Фиолетова «Деревянные фаготы», где вступительную статью и послесловие написала А.Л. Яворская, а составителем и автором комментариев выступил С. Шаргородский. В него вошли: сборник стихов «Зеленые Агаты», стихотворения из одесских альманахов (и харьковского сборника «Сад поэтов»), а также стихи, в эти издания не попавшие и опубликованные посмертно, то есть все, введенные до сих пор в оборот (см.: <https://salamandrapvv.wordpress.com/2017/09/01/a-фиолетов-деревянные-фаготы/>). Казалось бы, с выходом этого сборника работа над собиранием текстов Фиолетова и их распространение может считаться хотя бы относительно завершенной. Однако по ряду совпадений оказалось, что все не так. Довольно много произведений, не попавших в сборник «Деревянные фаготы», находится в моем распоряжении.

ком уголовного розыска, а затем вел довольно авантюрную жизнь, о которой и повествуется в статье.

³ Родственница Э.Д. Рапопорт (а следовательно, и А. Фиолетова) рассказывала: «13 октября 1997 года открылась ее персональная выставка в Музее кино. За шестьдесят лет работы художником по костюмам она участвовала в создании множества фильмов, среди которых такие известные, как “Два бойца”, “Дом, в котором я живу”, “Герой нашего времени”, “Доживем до понедельника”, “А зори здесь тихие”, но никогда она не думала о персональной выставке, статьях в газетах, просьбах об интервью. [...] Когда я с дочерью пришла к ней в конце 97 года, она с юмором рассказывала, что наибольший интерес в молодом поколении вызывает ее родство с Остапом и хранящийся у нее архив Анатолия Фиолетова. Во время этой встречи она больше говорила о “Толечке”, чем об Остапе» (*Камышиникова-Первухина Наталья. Остап // Слово/Word. 2009. № 64. См.: <http://magazines.russ.ru/slovo/2009/64/ka8.html>*). Кстати, эти же воспоминания ставят вечный вопрос о женском возрасте. Мемуаристка пишет, что Э.Д. покончила с собой «за несколько месяцев до девяностолетия» вскоре после закрытия выставки, т.е. в 1998 году, и значит — родилась в 1908 г., а не в 1913, как единодушно указывают все источники в интернете

⁴ Подробнее см.: *Котова М., Лекманов О., при участии Л. Видгофа. В лабиринтах романа-загадки: Комментарий к роману В. Катаева «Алмазный мой венец». М., 2004. С. 201–203.*

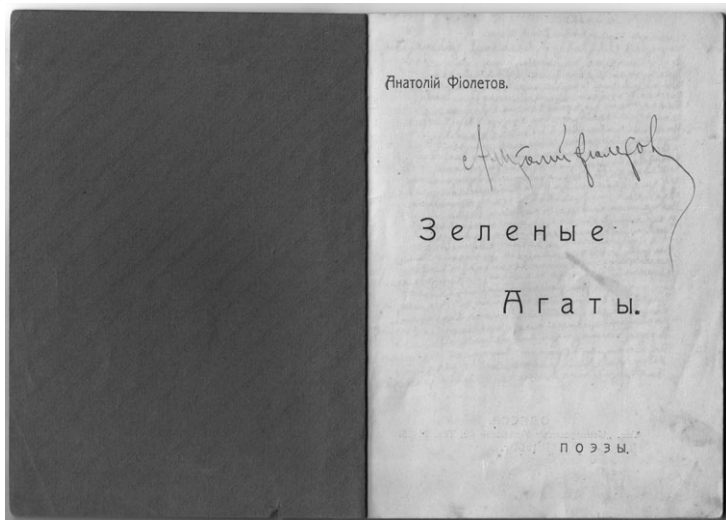
⁵ *Фиолетов А. О лошадях простого звания / Сост. Е. Голубовский. Одесса: Друк, 2000.*

Натан Шор — гимназист. Фотостудия П.Б. Розвала, Одесса. На обороте надпись: На память от Натана тете Минне

Уже довольно давно работавшая некоторое время у нас на кафедре Генриетта Николаевна Гамалея, известный специалист в области телевидения, спросила, говорит ли мне что-нибудь имя Анатолия Фиолетова. Поскольку говорило, она предложила передать мне архив поэта. Я не являюсь коллекционером и потому решил не сразу, но она уверила меня, что ждет публикации тех материалов, которые того достойны. Через некоторое время у меня в руках оказалась небольшая красная папка для бумаг, с золоченой каемкой и оклеенная изнутри бумагой типа «павлиний хвост», которая в XVIII и начале XIX века часто использовалась для форзацев книг.

Генриетта Николаевна рассказала, что ей этот остаток архива незадолго до смерти передала Э.Д. Рапопорт. Больше всего в папке было современных материалов: вырванная из журнала «Новый мир» повесть В. Катаева «Алмазный мой венец», номер журнала «Даугава» с публикацией «Окаянных дней», где Бунин упоминает Фиолетова, большая статья о брате Фиолетова О. Шоре, а также буклет Музея кино, выпущенный к выставке самой Э.Д. Рапопорт в октябре 1997 года, где вступительную статью написала Г.Н. Гамалея, а центральное место (помимо фотографий и рисунков) занимают воспоминания художницы. Но важнее всего, что архив сохранил документы 1914–1918 годов. Центральное место среди них занимает сборник Фиолетова «Зеленые Агаты: Поэзы» (Одесса: Издатель-

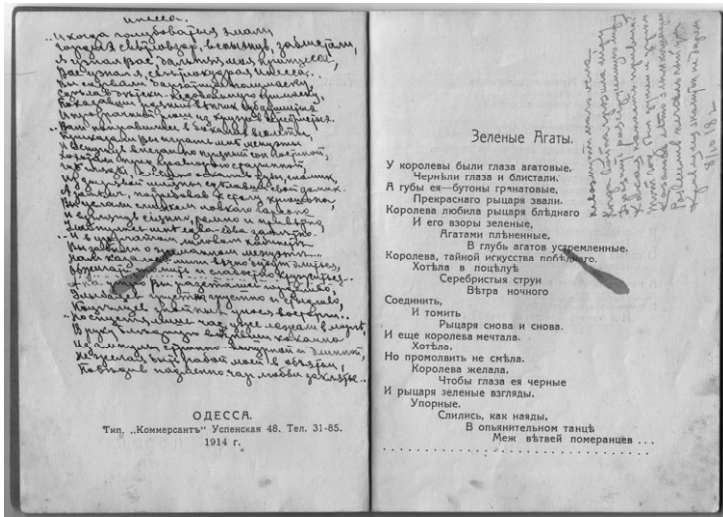

Титульный лист сборника «Зеленые Агаты» с подписью автора

ство С. Силвер, 1914)⁶ с владельческой подписью на титульном листе, правкой в тексте некоторых стихотворений и семью вписанными от руки стихотворениями, а также 20 разнокалиберных листов с его стихами, как известными, так и неизвестными. В дополнение к этому в папке находилось «Свидетельство» без какого бы то ни было текста, но с фотографией Фиолетова (точнее, Натана Шора), удостоверенной двумя печатями: «Народная милиция г. Одессы. Комиссар судебной милиции», фотографии (в основном переснятые) братьев Шор, а также вырезки из одесских газет и журналов с сообщениями о смерти поэта, хроникальной заметкой о вечере, где он принимал участие, и статьями его памяти⁷.

⁶ В лучшем на сегодняшний день библиографическом указателе русских поэтических книг издательство названо неточно и не указана цена: 30 копеек (см.: Русские поэты XX века: Материалы для библиографии / Сост. Л.М. Турчинский. М.: Знак, 2007. С. 557).

⁷ В книге «Деревянные фаготы», о которой пойдет речь, почти все эти материалы републикованы А.Л. Яворской (иногда с сокращениями). Текст хроникальной заметки «Вечер поэтов» (Маленькие одесские новости. 1914. 17 июня) она использовала в статье, объявления о смерти Фиолетова от имени его жены З. Шишовой, одесских литературных организаций и родных полностью воспроизведены, как и заметка в хронике «Одесских новостей», статьи Ал. Соколовского «Памяти поэта Анатолия Фиолетова», автора, скрывшегося за криптонимом «С.», «О мальчике, который любил Андерсена» и «Памяти Анатолия Фиолетова» Б. Бобовича, отчет Стани (С. Радзинского) «Венок поэтов». Ссылка на недавнюю перепечатку статьи Ал. Иновина (К.Б. Бархина) дана в

Оборот титульного листа и первая страница «Зеленых Агатов»
со вписанными стихами

Было понятно, что эти материалы необходимо публиковать. Однако я не считал (и не считаю) себя специалистом по истории Одессы, ее литературной жизни первых лет советской власти и ее периодике. Последнее было наиболее убедительным аргументом: на просмотр всех одесских газет и журналов по крайней мере 1914–1919 гг. (то есть с момента выхода в свет «Зеленых Агатов» и до утихания волн интереса к его памяти) должно было уйти много времени, которого катастрофически не хватало. Потом я узнал, что в Одессе вышел сборник стихов Фиолетова, и это несколько охладило энтузиазм. В 2009 году — сперва по переписке, а затем, в 2011, и лично — я познакомился с Аленой Леонидовной Яворской, заместителем директора Одесского литературного музея по науке, автором и составителем многих отличных книг, посвященных одесской литературной жизни. Тогда возник план издания более полного сборника Фиолетова, где большую биографическую статью о нем должен был написать американский коллега, А.Л. Яворская — собрать материалы из одесской периодики, а я — текстологически приготовить стихи. Увы, в силу разных причин такое издание не состоялось, а потом грянули события 2014 года, и я убрал бумаги Фиолетова в укромное место.

Узнал о готовящемся издании «Саламандры» я поздно, и пока раздумывал, стоит ли публиковать материалы в книге, существу-

тексте. Сразу же скажем, что А.Л. Яворской отысканы и другие газетно-журнальные материалы памяти Фиолетова за 1918–1919 годы.

Служебное удостоверение одесской милиции с фотографией Н. Шора

шей не на бумаге, оно уже вышло как двадцать первый выпуск «Библиотеки авангарда».

Поскольку теперь фундаментальное издание стихов Анатолия Фиолетова существует и доступно, появилась возможность совместить его с материалами архива, что сейчас и происходит.

Наша подборка состоит из следующих разделов:

1. Стихотворения, вписанные рукой Фиолетова в экземпляр сборника «Зеленые агаты»⁸.

2. Цикл «Заметки и материалы». Беловые автографы на листах, вырванных из тетради в линейку с нумерацией страниц от 7 до 16⁹.

⁸ Помимо публикуемых здесь впервые, там также записано 2 стихотворения: «Электрические сумерки», без заглавия, и «Иньеса» под заглавием «Инеса» и с разночтениями в ст. 2: «Гордых светловзор, вспыхнув, заблестали», ст. 9–10: «Приказали вы играть мне менуэты / И, вспугнув внезапно пряный сон гостиной», после ст. 22 следует строка точек, ст. 4–3 с конца: «В руку бледную вонзивши кокаина / Из ампулы странно-вычурной и длинной».

⁹ Помимо публикуемых здесь впервые, там также находятся автографы стихотворений «Опять пришел надменный вечер...» (с пунктуационными разночтениями и с датой VII.1915), «Обои» (под заглавием «Перед рассветом», с датой VII.1915 и с членением на двуступишия), «Как холодно розовым грушам...» (под заглавием «В фруктовой лавке», с датой X.1915; первоначальный вариант ст. 10: «Надев его, стало б теплее»), «Отчего ты не хочешь мне сказать, что любишь, злая...» (под заглавием «Любовь пастуха», без эпиграфа, с датой 20.X.1915 и с мелкими разночтениями), «Щелкунчик и мышинный князь» (с незначительными разночтениями; дата 17–XI–15), «Художник и лошадь»

А. Фиолетов, Э. Багрицкий, О. Шор

3. Отдельные стихотворения, написанные на несшитых листах и не систематизированные.

4. Варианты стихотворений, вошедших в «Деревянные фаготы». Мы учитывали только наиболее значительные из них.

Примечания текстологического порядка (иных задач мы перед собой не ставили) к стихотворениям следуют в конце подборки.

Для будущего критического издания «Зеленых агатов» перечислим исправления автора в стихотворениях:

Зеленые Агаты. Последняя строка: «И в топи зеленой блестят огонечки...»

«Мечта моя нежная...». Ст. 13: «И вся ты небесная»

Городской сутолок. Ст. 1 и 3: «Проволки траммов протяжно поют [...] Щупальцы тянет невидимый спрут».

Стихотворения, вписанные в сборник «Зеленые Агаты»

1.

Невозмутимого осла,
 Когда война грозила миру,
 Дразнить рассерженную лиру
 Какая наглость [?] привела?
 Тот год был душен и угрюм,

(основные разночтения и дата приведены в сб. «Деревянные фаготы»), «Осень на даче» (дата 10/ХП 15; см. также раздел «Варианты и разночтения»), «У тебя коронка бледная...» (с датой 26–ХП–15 г. и с мелкими разночтениями).

Казалось лето злым кошмаром,
Развеселив печальный ум,
Кривлялся, значит, он недаром.
8/10 [19]18 г.

2.

В осеннем вечере есть нежность увяданья,
Осенним вечером грустит душа цветов,
И томный запах блеклых розовых кустов,
Как нити, тянется, и в нем слышны рыданья.

Осенним вечером восходит месяц новый,
Краснея, поднимаясь из-за гор,
И меж больных цветов рисует свой узор
И бледно смотрит, тусклый и багровый.

В осеннем вечере божественно молчанье,
Покой мечтательный над осенью царит,
Звезда усталости над осенью горит...
...В чертогах осени поет очарованье...

3. Триолет

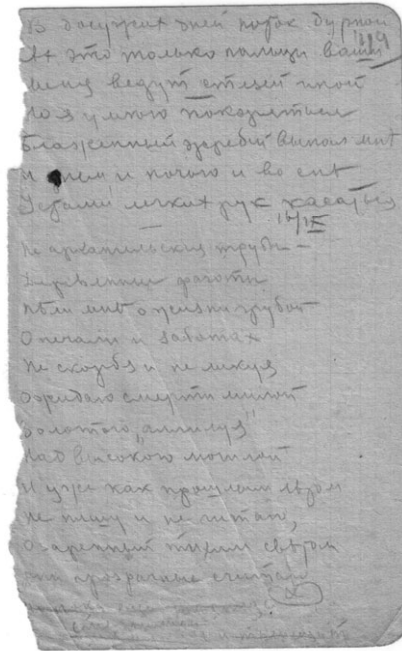
Ф.Т.

Овальных глаз лиловые кристаллы
Лучат фиоль в лукавой полумгле.
В душе любви лазоревой фиалы
Зажгло овальные лиловые кристаллы
Иплыли миги — медленны и алы —
Вуаля блеск на лунном корабле.
Овальных глаз лиловые кристаллы
Лучат фиоль в лукавой полумгле...

4. Люблю...

Люблю, люблю тебя! Гляди — люблю тебя!
Ты словно дальняя... Бледна, мечтательна...
С улыбкой палевой! Взгляни, на миг, любя,
Лучами лунных глаз блесни ласкательно.

...Ты... светло-лилия. Как солнце, благодатна,
В пыланье полных губ всю нежность ласк тая...
Овальность белых плеч пленяет сладостно...
Люблю, люблю тебя... Люблю, любовь моя!

Лист из записной книжки А. Фиолетова с автографами стихов

5.

Ваши улыбки — словно кораллы,
 Ваши улыбки — маков бутоны
 Гордые губы, губы-шакалы,
 Взгляды лазурнее моря Ментоны.
 И отчего-то напоминают
 Ваши улыбки запах сирени.
 Ваши улыбки благоухают
 Светлою ночью, ночью весенней.

Заметки и материалы

6. Городская Лилит

В лесу загадочном фабричных темных труб
 Цветет изменчиво коварный город в днях,
 В нем много празности [так!] и много красных губ,
 И красной радости, мигающей в огнях.
 Но дымы черные, зловещий яд впитав,
 Там вязнет бледная, овальная луна.

О, сколько в городе изысканных отрав,
Какая странная и томная Весна!
И в пестрых улицах холодная Лилит,
Колдунья лунная на склоне рдяных дней,
Пришла блистательно в асфальт проспектных плит,
Глядя загадочнее сфинкса и темней.
Но ресторанов муть и синий дым сигар
Хмельной отравой отуманили Лилит,
Она — не лунная. Погасло пламя чар.
Лишь бледность прежняя в ней ранит и пьянит.
Объяты улицы в позорный час ночной
Лилит опутали в продажные шелка,
И в новой прелести — усталой и больной —
Надменно бросили в грядущие века...

Осень 1914

7.

Шелка лиловые блестели,
Спадая вкрадчивой волной
И груди взвились зло и смело,
Слепя точеной белизной.
Ты не шептала слов укромных,
Но пурпур губ, впиваясь, жег
И сердце ранил томно, томно
Невидный очерк стройных ног.
Холодноватые сафиры
Полузакрытых длинных глаз
Казалось, пахли, словно ирис...
Ах, этой ночью много раз
Я сумасшедшими словами
Тебя пугал, моя любовь,
А ты, как давняя Суламит,
Была покорна вновь и вновь.
Давно ушла, укрылась далью
Ночь знойно-радостных утех.
Забыл я рот упруго-алый
И незвениящий странный смех.
Но отчего-то каждым утром
Печаль томит меня слегка

И помнится в чулке ажурном
Твоя китайская нога!

1.VI.1915

8.

Сукно зеленое стола
Рыдать не может.

Тоска опять ко мне пришла
И сердце гложет.

Сквозь окна август засинел,
Даль солнцу рада —

Я знаю: скорбь лишь мой удел.
Так, видно, надо.

VIII.1915

9.

Мне рок велел покорным быть
В любви неразделенной

И сердце ядом злым поить
Любви неразделенной.

По вечерам в глухой тоске,
Незримой и безгласной,

Себя медлительно учить
Любви неразделенной.

Пленяться, нежно и светло,
Изломом хрупких пальцев,

Но не забыть, готовым быть
К любви неразделенной.

И узнавать, и узнавать,
Какая боль тупая,

Коль сердце жалом занозить
Любви неразделенной.

Но вечера, но дни плывут
Мучительно и слепо

И так не хочется любить
В любви неразделенной,

И сердце темное больно
Усталостью смертельной...

Чего же мне покорным быть
В любви неразделенной?..

Лето. 1915

10. Евгений Онегин

За тягучею и сладкой увертюрой
Я глядел на подозрительных старушек
С сохранившейся до странности фигурой,
С модной обувью совсем не старых ножек.
Ленский ревностно хранил «en face» печальный,
А Онегин явно бил на благородство,
Но в течение семи картин фатально
Все ж не выказал над миром превосходства.
Скрипки плакали в отчаяньи прелестном
Пред дуэлью, даже искренней поэта,
Но тончайший фон разрушил неуместно
Слишком розовый, безвкусный блеск рассвета.
В третьем действии Онегин в томной позе
Афишировал, на бис, любовь к Татьяне,
Но не верилось, что может он серьезно
Баритоном петь о страсти и страданьи.
Так коверкали «Онегина» актеры
И за Пушкина мне стало вдруг обидно,
Захотелось закричать с блестящим взором:
«Молодые люди, стыдно, очень стыдно!
Изуродован непонятый и жалкий
Академик А.С. Пушкин неповинно,
Ведь известно, что Татьяна не русалка,
Ну, а Ольга уж отнюдь не балерина!»

30.X.15

11. Триолет

Ваши тонкие пальчики
С ноготками румяными
Любят бледные мальчики.
Пьют за хрупкие пальчики,
Подымая бокальчики,
Но и пьяными, пьяными
Помнят ломкие пальчики
С ноготками румяными.

Лето 1915

12.

В сердце ты вошла по тонкой лесенке,
Словно фея в старой детской песенке.
Помню мокрый вечер, жалко плачущий,
Помню разговор с тобой незначущий.
Мы прощались, кажется, безрадостно,
А любовь запела — ах, как сладостно!

Может быть, я мальчик очень глупенький,
Думая, что в блузке ты голубенькой

И без шляпки, встряхивая волосом,
В сердце распевашь нежным голосом.

Может быть... Но я хочу мучительно,
Хоть во сне, на пять минут, но длительно

Сам войти к тебе по тонкой лесенке,
Уж не так, как в старой детской песенке...

4/1 16 г.

13.

Месяц очерчен отлично
В небе, как будто кисейном.
Месяц с улыбкой приличной
В обществе чисто-семейном
Нескольких звезд, — видно, теток —
Прелесть, как вежлив и кроток
Тетушки — строгие дамы,
Знает племянник наверно.
Страшно ночными часами
Быть непослушным и скверным!..
В небе кисейном и нежном
Месяц уныл безнадежно.

13–1–16

14.

Бутоны губ порочно-рдяных
Краснеют ярко сквозь вуаль,
Синее синяя эмаль
Сапфирных глаз, любовью пьяных.
Тебя я знаю — стан твой гибок
И бедра стройные тонки,
Объятая сладостно-легки
И голос звонче первых скрипок.
Пусть темный яд часов любовных
Единый раз я сладко пил:
Навеки сердце осветил
Лиловый отблеск глаз греховных.

16/1 16 г.

15.

Когда на небе темный вечер
Наденет траурный наряд,
Когда заплаканные свечи
Мигнув, безрадостно сгорят, —

Я вспомню смутно дальний профиль,
В вечерний мир тоски войду
И в кровь вонзивши душный морфий,
Я сердце закружу в бреду.
Я снова стану сумасшедшим,
И ты придешь из давних дней,
И снова в миги сонной встречи
Прижмешь меня к груди тесней.
Твои духи запахнут странно,
Зардеет нежно пухлый рот
И в сердце радостном и пьяном
Любовь истомно зацветет...
Моя случайная подруга,
Я в днях смертельно одинок!
Уходят ночи друг за другом,
Уходит встреч бесплотных срок.
Но нет во мне ни слез, ни жалоб, —
Ведь я меж дней, я в их гурьбе
Могу беспомощно и жалко
Слагать молитвы о тебе!

18–I–16 г.

16. Бельгии

Вы устали, бедная маленькая Бельгия,
Вы устали?
Над могилою братскою Ваших храбрых мальчиков
Вы рыдали?
Нужно выбрать бережно самые нежнейшие
Утешения,
Но слова не высушат, никогда не высушат
Крови, тления.
Вы Вдова библейская... Матерь неутешная.
В сердце — рана.
Скорбь такую светлую успокоить ласково
Слишком рано!

5/II 16 г.

Отдельные стихотворения

17. Оливер Твист

Хороший мальчик Оливер!
Я думаю о нем теперь,
Когда уж Диккенса прочел,
И снова вспомнил грязный холл,
Где средь воров и злых громил
Бедняжка очень долго жил.
Конечно, пестрые платки,

Какие любят старики,
Нетрудно научиться красть,
Но и легко под суд попасть,
А в Англии суров закон:
Кто в мелкой краже уличен,
Тот иль повешен должен быть,
Или в тюрьме ньюгетской гнить...
Но Оливеру десять лет
И кто ему подаст совет?
Вернуться, может быть, в приют,
Где бедным мальчикам дают
Шесть унций каши просяной,
Без масла, пресной и сухой.
И в день прикажут раз по пять
Молитвы длинные читать.
Иль попросить гробовщика,
В смущеньи покраснев слегка:
“О сэр, прошу Вас очень взять
Меня в ученики опять.
В цилиндре, с крепом на руке
И в длиннополом сюртуке
За гробом, забывая лень,
Ходить я буду каждый день”.
Но, видно, милосердный Бог
От бедствий сироту берег.
И, если вам угодно знать,
Прошу роман перелистать.
Ведь мальчик через сто страниц
В кругу весьма достойных лиц.
Покинул он вертеп воров,
Нашел гостеприимный кров
И в жизни мирной и простой
Вкусил уж наконец покой...
Так иногда капризный Рок
Нелегкий задает урок,
Людским неопытным сердцам,
И джентельменам [так!], и юнцам,
Но средь сомнений и тревог
Всегда поможет добрый Бог.

[1916]

18.

Ах, эти маленькие свечки —
Не догорают и коптят.
Ты знаешь, куклы и овечки
Уже в своих кроватках спят.
Чего же ты не спишь, мой мальчик,
Неровен час, узнает волк —

Придет к нам в дом, зубами щелк
И вмиг тебе откусит пальчик.

3/X

19.

Спи, детка, спи, сердечко,
Вот милая овечка
Споткнулась так неловко,
Что кружится головка
И, захромав немножко,
Кричит: “Сломалась ножка!”
Спи, детка, спи, сердечко.

7/X

20.

Когда взойдет зеленая звезда
И желтый диск бесчувственной луны
Мне чудится блестящая вода
Широких рек тропической страны.
Которой не увижу никогда,
Как не увижу будущей весны.
О Господи, какие города
Меня зовут к себе из вышины!

21. На память сестричке

Эльза, милая сестра!
Я просил тебя вчера
Не шалить и не грубить,
Вежливою только быть.
Если согласишься ты,
Подарю тебе цветы,
Шоколад и мармелад,
Много всяческих наград,
Ну, а если ты груба,
Непослушна и глупа
Ничего тебе не дам
И конфеты съем я сам.

1917 года декабря.....

22.

Comme on voit sur la branche au mois de Mai la rose
Pierre de Ronsard

Как роза стройная, раскрывшись в майский день,
Прелестной юностью, окраскою живой

В цветеньи девственном небес пленяет сень,
Когда заря ее кропит своей слезой,

Любовь блаженную покоит листьев тень
И запах сладостный плывет в сады волной,
Но в зной полуденный склоняет розу лень
И гибнет, томная, роняя венчик свой.

Вот так, девической сияя красотой,
Когда вселенная склонялась пред тобой
Убита Паркою и, пепел, дремлешь ты.

В день погребения, роняя токи слез,
В корзине свежие несу тебе цветы,
Чтоб тело мертвое дышало негой роз.

9/II 17 г.

23.

Когда я буду в Петрограде
Ну, через год иль два примерно,
Пойду на Зверинскую к дяде,
Которого люблю безмерно.

Мне дверь откроет тот же самый
Лакей во фраке и в перчатках,
Расспросит о здоровье мамы
И весело ль у нас на святках.

А через час звонок небрежный
И, не снимая влажной шубы,
Войдет мой дядя, стройный, нежный
И сладко поцелует в губы.

24.

Решетка, сделанная грубо,
Над нею светит цифра «пять».
Ах, на прощанье только губы
Позвольте мне поцеловать.

На небе — добрая старушка —
Куда-то спряталась луна,
А мне смешная ваша мушка
Над верхнею губой видна.

Нет, я не буду лицемерить,
Но лучшей мушки в мире нет,
И если вам угодно верить —
Единственный для всех ответ, —

Подставив ласковые губы,
Позволить их поцеловать.

Глядите, над решеткой грубой
Подмигивает цифра «пять».

25.

Не верю в зеленый праздник,
Не верю в первое мая,
А вы не видите разве,
Какая весна дурная?

На улицах грязных скучно
И слякоть, дожди и слякоть.
Унылые эти тучи
Меня заставляют плакать.

О Господи, добрый Боже,
Не нужно туманов скверных —
Ведь если ты не поможешь,
Я к лету умру, наверно.

Отрывки и наброски

26.

Мне очень грустно. Вот пришла уж осень,
А лето я провел так безобразно,
На нашу дачу не являлся вовсе,
А на море был только два-три раза...

20/IX 16 г.

27.

Нам газеты осень обещали,
И теперь, я знаю, им неловко,
Словно в июле снова замелькали
Под ногами божии коровки.
Но уж скоро, очень скоро осень,
А провел я лето слишком праздно:
В теплом море не купался вовсе,
За городом был всего два раза.

24/IX 16 г.

28.

Никитина [?], у Вас глаза газели,
Глубокие и нежные необычайно...
Вы помните, мы встретились совсем случайно,
Мне кажется, — на Масляной неделе.
В тот вечер я читал в литературке
О маленьком Щелкунчике, который

Нещадно поражал мышонков юрких,
И в первый раз увидел Ваши взоры.

29.

Ну вот пришла уж тихая зима
С пушистыми высокими снегами,
[И] окна украшает жемчугами,
[И с]казочные строит терема.
[Пр]оходят дни ~~бесшумными~~ неслышными шагами

30. Декоративный вечер

Был вечер будто бы совсем декоративный,
Он походил на действие из Тоски
На небе ситцевом из синевы наивной
Поднялся месяц, вылощенный воском.
И на деревьях, сделанных ~~некусно~~ умело,
Быть может, из обрубков настоящих,
Струили звезды свет молочно-белый,
~~Быть может,~~ Как будто из рефлекторов блестящих.
Конечно, ~~вы тогда~~ вечером и вы недаром были
В старинном платье и мантилье синей:
Совсем похожая на или
Сомнений..... графиню..
Заговорили вы сопрано очень нежным

31.

Румяный шар висел над горизонтом,
В сиреневые тучи погружен,
Монетою или огромным зонтом
Из полыми показывался он.
Вечерняя заря, изнемогая,
Последними розанами цвела

Варианты

32. Осень на даче

Двадцатого августа грустный рояль простудился
И хмуρο жужжали продрогшие хриплые струны,
А август неожиданно слезами глухими залился
И долго не мог успокоиться ночью безлунной.
Прозрачная осень приплыла, я знаю, я знаю.
Нежарким бледнеющим солнцем душа не согрета.

Я блеклому небу последний привет посылаю
И с летнею синью прощаюсь до нового лета.

26.VIII.15

Ранний рукописный вариант стихотворения под тем же заглавием (помета красными чернилами: «Исправлено»), вошедшего в «Деревянные фаготы» с датой 10/XII 15.

33.

Не архангельские трубы —
Деревянные фаготы
Пели мне о жизни грубой,
О печали и заботах.
Не скорбя и не ликуя,
Ожидаю смерти милой,
Золотого “аллилуя” [так!]
Над высокою могилой.
И уже, как прошлым летом,
Не пишу и не читаю,
Озаренный тихим светом,
Дни прозрачные считаю.
Мне не больно. Неужели
Я метнусь в благой дремоте?
Все забыл. Над всем пропели
Деревянные фаготы.

34.

З.К. Шишовой

Такие руки только снятся
В блаженном и безгрешном сне.
Их легкой ласке покоряться
Сладчайший жребий выпал мне.
И я любил свои досуги
За шумной чашей проводить,
Для легкомысленной подруги
Неделю милым другом быть,
Иль моде английской покорный,
Покинув жаркую кровать,
Приехать ночью в дом игорный
И до рассвета банк метать.
Такая жизнь не очень странной
Казалась в девятнадцать лет,
И это вы, мой друг желанный,
Блеснули, как небесный свет,
Очаровательным виденьем,
Необычайною звездой,
И сердце ранили томленьем,

Такой пленительной бедой.
 И бросил я хмельные чаши
 В досужих дней поток дурной,
 Ах, это только пальцы ваши
 Меня ведут стезей иной!
 Но я умею покоряться,
 Блаженный жребий выпал мне, —
 И днем, и ночью, и во сне
 Устами легких рук касаться.

Текстологические примечания

1. Карандашом на с. 3 «Зеленых Агатов» (далее сокращенно — ЗА), перпендикулярно к тексту.

2. Красными чернилами на с. 11 ЗА. Первоначальный вар. ст. 3–4 (правка внесена черными чернилами):

И томный запах розы блекнувшей кустов,
 Как кудри, трепетя, и в нем слышны рыдания.

3. Черными чернилами на с. 13 ЗА.

4. ЗА. С. 20. Вписано красными чернилами с обширной правкой черными. Первоначальные варианты. Ст. 3: «Любовь, любовь моя! Взгляни лишь раз, любя»; ст. 5–7:

Ты светло-лилия... Как солнце, радостна,
 Молочно-белая, мелькает [?] грудь твоя.
 Овал округлых плеч румянит [?] сладостно...

5. ЗА. С. 30. Вписано красными чернилами с правкой черными в первой строке. Первоначальный вариант: «Ваши улыбки — это коралы [так!]».

10. Опубликовано: Южный музыкальный вестник. 1916, январь. № 1–2, с разделением на четверостишия. Перепеч.: Дерibasовская-Ришельевская. Одесса, 2008. Вып. 34. С. 213 (с предисловием А.Л. Яворской). Причины, почему стихотворение не попало в «Деревянные фаготы», для нас неясны. В рукописи первоначальный вариант ст. 13: «В пятом действии Онегин в томной позе», незачеркнутый вариант предпоследней строки: «Ведь у Тани мало общего с русалкой». В печатном тексте ст. 9: «Скрипка плакала в отчаяньи прелестном», ст. 11: «Но тончайший срок разрушил неуместно» (видимо, опечатка), ст. 18: «И за Пушкина мне стало так обидно».

12. Первоначальные варианты ст. 3: «Помню я тот вечер...» и ст. 5: «Кажется, прощались мы безжалостно». Второй беловой автограф — чернильным карандашом на листке из записной книжки до ст. 10.

14. Первоначальный вар. ст. 4: «Сапфирных глаз, как будто пьяных», ст. 11: «Навек мне сердце осветил».

16. Первонач. вар. ст. 8: «Крови рдения [?]»; ст. 11: «Скорбь такая светлую успокоить, вылечить».

17. Печ. по автографу с подписью и с правкой (отчасти красными чернилами). Ими же вписано заглавие: «Оливер Твист». Варианты ст. 17 (вероятно, на выбор редактору — вычеркнуты красным карандашом):

Ну что же, вновь прийти в приют?
Ну что ж, вернуться вновь в приют?

Ст. 32 первоначально: «И если вы хотите знать»; ст. 34–35: «В романе через сто страниц / Уж мальчик среди достойных лиц»; ст. 40: «Нашел уж, наконец, покой», «Вкусил заслуженный покой».

Помимо этого — еще два автографа. Первый, с подписью и датой «1916» и с пометами красными чернилами написан на тетрадном листке, сложенном по вертикали. Автограф практически белой и читается:

Нетрудно научиться красть,
Но и легко под суд попасть,
А в Англии суров закон:
Кто в мелкой краже уличен,
Тот иль повешен должен быть
Или в тюрьме ньюгетской гнить.
Ну как не умилиться нам!
Ведь мальчик догадался сам
И уж забыть никак не мог,
Что воровство — большой порок.
И хоть его молочный брат
Был, кажется, не очень рад,
Но Оливер, умен и смел,
Счастливо избежать сумел
Опасной участи воров,
Нашел гостеприимный кров
И, любив своих друзей,
Счастливо прожил много дней...
Так иногда капризный Рок
Нелегкий задает урок,
Людским неопытным сердцам,
И джентельменам, и юнцам,
Но среди сомнений и тревог
Всегда поможет добрый Бог.

Под автографом помета: «Оливер Твист — 23 р. В сердце ты вошла — 7 р.».

Второй автограф (с очень обтрепанными краями, что привело к утратам части текста) представляет собою черновик ст. 16–34 с вар. ст. 16–17:

Ну как, скажите, поступить?
Легко ли сироте решить —

18. Автограф чернильным карандашом на листке из записной книжки. Год неизвестен.

19. Автограф чернильным (первые 2 строки) и простым карандашом на листке из записной книжки вместе с «Не архангельские трубы» и последними семью строками.

20. Беловой автограф карандашом. На том же листе — черновой автограф чернилами, перечеркнут карандашом. Вар. ст. 2: «И желтый диск бесчувственной луны», ст. 7: «О Господи, чужие города».

21. Беловой автограф с подписью. Число находилось на утраченном фрагменте листка.

22. Автограф с подписью. Помета красными чернилами: «Перевод из Ронсара. Сонет». Незачеркнутый вар. ст. 9: «Вот так, девической сияя красотой». Отметим, что эпитафия из Ронсара стоит эпитафией к статье-некрологу Ал. Соколовского «Памяти Анатолия Фиолетова». Эпитафия — из стихотворения, начинающегося этой строкой (1574).

23. Беловой автограф карандашом с незначительной правкой. Черновой автограф первых 7 стихов с оборотной стороны листа чернилами.

24–25. Оба стихотворения — машинопись на двух листах с заглавием: «Анатолий Фиолетов. Два стихотворения».

26–27. Совершенно очевидно — это варианты одного стихотворения, написанные сперва пятистопным ямбом, потом пятистопным хореем.

28. Неоконченное стихотворение, на обороте набросков 26–27. После окончания чернильного текста приписана строка карандашом, но относится ли она к тому же стихотворению, — понять невозможно: «Я по зиме серебряной скучаю». В ст. 7 слово «мышонков» подчеркнуто — видимо, заметив ненормативный характер склонения, Фиолетов планировал его переменить.

29. Черновой автограф на обороте черновика «Оливера Твиста» с теми же обтрепанными краями. Первоначальный вар. ст. 5: [За]ря, бледнея, светит над домами.

30. Черновой автограф карандашом. Сверху стоит: № 8. После первой строфы дата: 1/VIII, после стр. 3 — 12/VIII. Второй черновой автограф первых 7 строк (далее листок оторван), зачеркнутых карандашом. В нем ст. 3: Он походил на первый акт из «Тоски»; ст. 3: «На небе бархатном...», ст. 5–7:

Баретки пухлые уплыли торопливо,
 Мелькали только хвостики из ваты,
 И вот на скатерть с отливом

31. Автограф чернильным карандашом на листке из записной книжки.

33. Беловой автограф — на листе из записной книжки, чернильным карандашом, с датой: 18/IX.

Перебеленный автограф на отдельном листе с подписью. Другой рукой проставлено «№ 24». Ст. 3 первоначально: «Запоют о жизни грубой». Ст. 12 первоначально: «Дни докучные считаю». Ст. 14 первоначально: «Я метнусь в своей дремоте». Синим карандашом зачеркнуты 4 строки между ст. 12–13:

Но пока еще ресницы
 Не сомкнулись и трепещут,
 Мне сырая Осень снится
 И крылом в тумане плещет.

На том же листе (предшествуя перебеленному) черновой автограф:

Не архангельские трубы —
 Деревянные фаготы
~~Запоют~~ Пели мне о жизни грубой,
 О печали и заботах.
~~Зажигает вечер бледный~~
~~Бледный вечер зажигает~~
~~Две звезды в унылой тверди.~~
~~Скоро осень. Всякий знает —~~
~~Близок час веселой смерти~~
 Не скорбя и не печалясь ликуя,
 Смерти ожидаю милой,
 Золотого “аллилуя” [так!]
 Над высокою могилой.
 И уже, как прошлым летом,
 Не пишу и не читаю,
 Озаренный ~~нежным~~ тихим светом,
 Дни ~~докучные~~ прозрачные считаю.
 [Вечер ~~бедный~~ ~~бледный~~ сонно зажигает
 Две звезды на тверди низкой.
 Скоро Осень Всякий знает —]
 Но пока еще ресницы
 Не сомкнулись и трепещут,
 Мне сырая Осень снится
 И крылом в тумане плещет.
 Не хочу я. Мне не надо

34. В архиве сохранились два автографа: беловой последних семи стихов чернильным карандашом на листе из записной книжки, предшествуя «Не архангельские трубы...»:

.....
 В досужих дней поток дурной.
 Ах, это только пальцы ваши
 Меня ведут стезей иной.

Но я умею покоряться,
 Блаженный жребий выпал мне —
 И днем, и ночью, и во сне
 Устами легких рук касаться.

16/IX

Черновой автограф без начала на листке из блокнота, чернильным карандашом с датой 15–16/X:

Очаровательным виденьем,
 Необычайною звездой
 И сердце ранили до мленья
 Такой целительной [?] бедой
 И бросил я хмельные чаши
 В досужих дней поток дурной.
 Ах, это только пальцы ваши
 Меня ведут стезей иной.
 Но я умею покоряться,
 Блаженный жребий выпал мне —
 И днем, и ночью, и во сне
 Устами легких рук касаться.

15–16 16/IX

Литература

- Лебедев В.* Секретное досье Остапа // Совершенно секретно. 1998. № 9. С. 26–27.
- Луцик С.З.* Чудо в пустыне: Одесские альманахи 1914–1917 годов // Дом князя Гагарина: Сборник научных статей и публикаций. Одесса, 2004. Вып. 3. Ч. 1. С. 166–236.
- Камышишникова-Первухина Наталья.* Остап // Слово/Word. 2009. № 64.
- Котова М., Лекманов О., при участии Л. Видгофа.* В лабиринтах романа-загадки: Комментарий к роману В. Катаева «Алмазный мой венец». М.: Аграф, 2004. С. 201–203.
- Фиолетов Анатолий.* Деревянные фаготы: Собрание стихотворений. Сост. и комм. С. Шаргородского. Вступ. статья А. Яворской. Б. м.: Salamandra P.V.V., 2017. — 130 с., илл. — (Библиотека авангарда, вып. XXI). <https://salamandrapvv.wordpress.com/2017/09/>
- Фиолетов А.* Зеленые Агаты: Поэзы. Одесса: Издательство С. Силвер, 1914.
- Фиолетов А.* О лошадях простого звания / Сост. Е. Голубовский. Одесса: Друк, 2000.
- Русские поэты XX века: Материалы для библиографии / Сост. Л.М. Турчинский. М.: Знак, 2007. С. 557.

References

- Fiolotov A. *O loshadiakh prostogo zvaniia* [About horses of simple rank], comp. by E. Golubovskii. Odessa, Druk Publ., 2000. (In Russ.)
- Fiolotov A. *Zelenye Agaty: Poezy* [Green Agates: Poetry]. Odessa, S. Silver Publ., 1914. (In Russ.)

Lebedev Vadim. "Sekretnoe dos'e Ostapa" [Ostap's secret file]. *Sovershenno sekretno* [Top secret]. 1998, № 9, pp. 26–27. (In Russ.)

Lushchik S.Z. "Chudo v pustyne: Odesskie al'manakhi 1914–1917 godov" [A miracle in the desert: Odessa almanacs of 1914–1917]. In: *Dom kniazia Gagarina: Sbornik nauchnykh statei i publikatsii* [Prince Gagarin's House: Collection of scientific articles and publications]. Odessa, 2004, issue. 3, ch. 1, pp. 166–236. (In Russ.)

Kamyshnikova-Pervukhina Natal'ia. "Ostap". *Slovo/Word*, 2009, № 64. (In Russ.)

Kotova M., Lekmanov O., Vidgof L. *V labirintakh romana-zagadki: kommentarii k romanu V. Kataeva "Almaznyi moi venets"* [In the labyrinths of the novel-riddle: Commentary on the novel by V. Kataev "Diamond is my crown"]. Moscow, Agraf Publ., 2004, pp. 201–203. (In Russ.)

Russkie poety XX veka: Materialy dlia bibliografii [Russian poets of the twentieth century: Materials for bibliography], comp. L.M. Turchinskii. Moscow, Znak Publ., 2007, p. 557. (In Russ.)

Unpublished Poems from Anatoly Fioletov's Heritage

Nikolay Bogomolov

Abstract: The publication is devoted to Anatoly Fioletov's legacy. Fioletov, the poet from Odessa, died young and became a legend of the "South-Russian school" in Russian literature. The article traces the history of Fioletov's publications and of his archive. The article is accompanied by a the first publication of Fioletov's poems from a private collection.

Keywords: Anatoly V. Fioletov, "South Russian School", Odessa, poetry of the 1910s, archives.

Information about author: Nikolay A. Bogomolov, PhD, Professor, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia. E-mail: nab50@mail.ru